

46. ДЯДЬКА В СТОКГОЛЬМЕ

Если белорус не был в Швеции, это не означает, что он ее не лицезрел, не молился на нее, не проклинал, когда она ломала ему плуг, не грел на ней, тепленькой, мягкое место. Кусочки Швеции разбросаны по всей Беларуси, особенно много их на западе и севере. Имею в виду валуны, принесенные к нам из Скандинавии Поозерским ледником примерно 95 тысяч лет назад.

Шведские камни всевозможных размеров и форм – неотъемлемая деталь первичного ландшафта Беларуси, полноправные герои белорусской мифологии, традиционный стройматериал. В последние годы наши лесники и экологи придумали безмолвным шведам почетную роль. Валуны выставляют на обозрение у главных автодорог, выкрашивают в синий цвет, поверху пишут заклинания, типа: берегите лес, природа – мать...

Представьте, лес вырос ... на огромном валуне. Это и есть Швеция. Растут там сосны, ели и как будто дубы. Наши дубы всю зиму держат на себе сухую листву, переодеваясь в зеленое весной, что вдохновило Петруся Бровку на чудесное стихотворение: “Я за жыццё ўхапіўся, як дубовы ліст”.

Шведские дубы в ноябре без единого листка, что дало мне повод усомниться: а дубы ли наблюдаю? Невысокие деревья с массивным стволом и мощной кроной стояли на скалах вдоль шоссе и железных дорог, вызывая во мне уважение и любопытство. При первой же возможности решил познакомиться. Встреча состоялась в городе Густавсберге, в тридцати километрах от Стокгольма.

В Густавсберге живет 33 тысячи человек, а города как бы не видно. Невысокие коттеджи попрятались в котловинах среди скалистых взгорков, поросших лесом. Островки жилья связываются между собой узкими, вьющимися в низинах лентами асфальта, по краю которого выделена линией и знаком велосипедная дорожка. По ней я пошел вгору, зная, что нельзя. Велосипед в Швеции уважают за ... скорость, в Стокгольме он возит быстрее, чем автомобиль.

Ходить по велосипедной дорожке – значит, проявить неуважение к велосипедисту. Он вынырнул из-за камня, сердито трезвонит мне, требует уступить дорогу. Точнее, – она, велосипедистка. Шведка с мужским лицом, в шлеме, с рюкзаком за спиной. Есть верный способ извиниться перед ней и перед Королевством за нарушение правил дорожного движения – шведское приветствие: хей!

Получив ответное хей с улыбкой и еще раз убедившись, что шведские женщины бывают милы, я продолжил путь по извилистой дороге, которая вскоре подарила мне встречу с хорошо знакомыми, чрезвычайно родными на чужбине коровьими лепешками на асфальте.

Тут моему взору и сердцу открылся оазис: справа от дороги, впритык к асфальту, на зеленой траве не далеко друг от друга стояли три одноэтажных дома, ошалеванные и выкрашенные в бордовый цвет. Возле каждого росло по несколько яблонь, листья опали, а яблоки еще были несняты и светились в

черных ветках. У каждого дома, на траве под яблонями, вразброс приткнулись по две-три машины разных марок, небольших, и ни одной шведской.

Слева от дороги, напротив оазиса, начинался пологий подъем по голой скале, изредка покрытой лишайником и мхом, дальше и выше меня манил лес. Привет, дружище-дуб! Я тебя узнал по узким зубчатым листьям, шелестевшим под ногами. В отличие от белорусского собрата, ты рано сбрасываешь листву оттого, что тебе тут, на камне, тяжелее, чем белорусу где-нибудь в пойме Припяти, где дубы так высоки и стройны. Дубу требуется много влаги. Удивительно, как сумел шведский дуб укорениться в скалу, оживленную тонкой пленкой мха.

Почтение и тебе, сосна. Ты не так прихотлива, как дуб, на валуне тебе приспособиться легче. А рядышком стоит знакомец одного со мной росточка – можжевельник. Здравствуй, землячок-ядловец! Я протянул ему ладони, чтобы убедиться, что он так же колюч, как на песчаной лесной поляне в двухстах шагах от родной хаты в Горске.

О том, что шведскому лесу живется тяжело, говорили покрученные стволы. Деревья росли редко, как в парке. Я набрел на полуживой дуб, на нем от земли до вершины тянулась широкая плешь без коры. Плешь замазали зеленоватой краской, по ней черными буквами при помощи трафарета нанесли длинную надпись почему-то по-английски. Я понял ключевые слова nature, mother, help – и вспомнил синие шведские камни у белорусских дорог с заклинаниями помочь выжить природе-матери.

Экологические молитвы для Швеции тоже актуальны. Подчеркну, я забрел в лес особо охраняемой группы – в черте населенного пункта, на склоне, в чрезвычайных условиях произрастания. Увы, лес-уникум не был идеально ухожен и защищен человеком. Поваленная, никем не убранная сосна живо напомнила мне захламленный лес в минском микрорайоне Уручье. Целлофановые ошмотья и бумажки, гонимые ветром по шведскому лесу, убеждали меня: ты – дома.

Чтобы стряхнуть с себя белорусские ассоциации, я решил забраться выше леса, на шаровидную скалу, посмотреть на Швецию вольной птицей.

На вершине горы сильный ветер вышиб слезы. Дух захватило от непривычного белорусскому глазу вида: горы, леса, домики в низинах, нитки дорог, длинный, будто река, стальной морской залив, у понтонных причалов армада парусников со спущенными по причине поздней осени парусами ...

Чем выше чужая гора, тем ближе родина. Знаете, кого я увидел на холодной шведской скале, – дядьку Антося, моего любимого литературного героя. Дядьку Антося из «Новай зямлі» Якуба Коласа я вижу самым народным, исключительно натуральным, совершенно безыдейным героем всемирной литературы.

Помните, дядька поехал в Вильню хлопотать о ссуде на покупку земли, а дядьку гоняли от стола к столу банковские чиновники, вымогая деньги за бумажки. На ступеньках земельного банка у дядьки Антося и друга по несчастью – Гришки из-под Лиды – состоялся типично мужской разговор:

**–Ну, што ж? – пытае дзядзька Грышку,–
Хіба дзе выпіць па кілішку
Ды падкрапіцца б мала-мала?
Я з дома ўзяў кавалак сала,
І хлеба ёсць крышан са мною,
Чаго ён сохне сіратаю?
–Падмацавацца б не мяшала,
Бо ў жываце штось заспявала,
А нашча чарачку кульнуць –
Усё адно, што ў рай зірнуць.**

Что произошло дальше! Униженные, раздосадованные, голодные, немолодые мужчины увидели Замковую гору и, прежде чем выпить и закусить, решили глянуть, “як там з гары ўсё выглядае”. Не остановило, что вход на гору оказался платным.

Однажды я говорил, что приземленные белорусы нуждаются в символический горе-вершине (коль Бог не дал естественной), чтобы иметь возможность окинуть Родину соколиным взглядом, восхититься Родиной и собой, заболеть национализмом, как армянин на Арарате, а японец на Фудзияме. Дядька Антось забрался на Замковую гору, чтобы не впасть в уныние, быть выше. Дядька в Вильне словно предчувствовал, что через два-три десятка лет Замковую гору у белорусов отберет Сталин.

Роль святой белорусской вершины могла бы сыграть Беловежская пуца, но нынешняя власть валит ее элитные сосны и дубы.

Всемирным небоскребом белорусской культуры в Несвиже четыре века стоял дворец Радзивиллов, в котором мне тоже посчастливилось прожить 12 санаторных дней. Санаторий был единственным в Беларуси охранителем Несвижского дворца. Власть решила санаторий выселить, чтобы не мешал сляпать “реставрацию”. Бесхозный дворец сначала растащили, а в ночь на Рождество Христово, 24 декабря 2002 года, подожгли.

Дядька Антось полез на крутую, как печь, Замковую гору еще потому, что был любопытен. За это я люблю его как родного, он будто передал мне любопытство как моторчик журналистской профессии. Стоя на шведской скале, я уже давно заметил, что соседняя гора с одной стороны стеной обрывалась вниз, где были разбиты клумбы, дорожки, игровые площадки.

Судя по всему, склон у скалы оторвали динамитом, в стене вырубили дыру, закрыли дверь. Выполнили тяжелейшую работу. А чего ради? Спрошу-ка у чиновника муниципалитета, с ним назначена встреча в библиотеке. Круглое, как башня, четырехэтажное здание библиотеки белело напротив рукотворной дырки в скале.

У нас городами и поселками управляют местные Советы, в Швеции – коммуны. В обиходе коммунами называют населенный пункт с его инфраструктурой и населением. Коммунар-начальник, прибывший в городскую библиотеку для встречи с белорусскими журналистами, руководил

экономикой. Он не без гордости сообщил, что коммуна Густавсберга развивается динамично, численность прибавляется тремя процентами в год. Прирост обеспечивается за счет близости со столицей и морем, селятся дачники и маятниковые мигранты, которые живут здесь, работают в Стокгольме.

Граждане платят муниципалитету налог в размере 20 процентов, 10 взимает государство. Всего – 30. Немало! Таков стандартный налог в стране. Чтобы никто резко не выделился, государство забирает еще 15 процентов дохода, если он превышает “норму”.

Итого – отдай 45 процентов. И никому не жалуйся. Общественное мнение тебя не поддержит. Все равны независимо от роста. Как неотборные солдаты в королевском карауле, о которых я уже рассказывал.

Если твоя семья по какой-либо причине (трое и более детей, болезнь, стихийное бедствие, коммерческая неудача, безработица) упала ниже среднего экономического уровня, муниципалитет поможет.

Швеция стремится к большой единой коммуне. Действует жесткая система выравнивания доходов. Богатые коммуны обязаны поделиться с бедными через государственный котел, который находится в Стокгольме. Коммуна Густавсберга является коммунной-донором, в год отдает примерно 90 миллионов крон.

Коммунар владел цифрами, охотно демонстрировал диаграммы. О том, как и зачем делают в Густавсберге помещения в скале, не знал. Он не местный, ездит сюда на службу из Стокгольма.

На большом круглом столе, за которым мы сидели, в горшках стояли цветы с красными листьями и деревянные утки. Такие же утки как сувениры в изобилии имелись в городском универмаге. Следовательно, перед нами предстал символ Густавсберга, а среди нас находились не только любопытные дядьки, но и любознательные тетки. Одна из них, она звалась Татьяной, спросила про загадочные утки. Чиновник был не в курсе, смутился, пообещал выяснить.

Не знаю, профессионально ли наш лектор управлял финансами коммуны, но я убедился, что от местных реалий народной жизни он оторван. Чиновник-поденщик и в Швеции – чиновник-поденщик.

Шведская журналистка Бритт-Мари Ситрон с печалью и юмором рассказывала о своем многолетнем опыте борьбы с чиновниками, норвежцами тратить казенные деньги на личные нужды и развлечения. Выступив с циклом разоблачительных статей в местной газете, она добилась освобождения мелкого чиновника от занимаемой должности, но и сама потеряла штатную работу.

Скрытые от широкой общественности корпоративные связи шведского чиновничества универсальны и крепки, как и нелюбовь к излишне любопытным журналистам, являющим собой строгое общественное око.

Устроители нашего журналистского паломничества в Швецию как мекку свободы и гласности заранее договорились о встрече с крупным чиновником Стокгольмской мэрии. Прибыв в назначенный час в монументальный, выложенный из специального, стилизованного под старину темно-красного кирпича офис мэрии, мы не встретили открытости, о каковой были наслышаны. Чиновника на месте не оказалось, клерки отбивались от журналистов, как это делают все чиновники в мире. Шведским коллегам с трудом удалось договориться, что о делах столичной коммуны расскажет некая помощница.

Добросовестная старушка доложила нам, что письма граждан, поступающие в мэрию, регистрируются в компьютере, поступают чиновникам, те сочиняют ответы, которые регистрируются. Старушка, наверно, думала, что мы явились в Стокгольм из белорусской пещеры, где еще не существует письменности. Коммунарка была недалеко от истины: мысленно я находился как раз в пещере.

Я не мог забыть, что у входа в стильное здание мэрии, обвитое плетями винограда, слева от двери, за углом, в узкой нише-пещере между цоколем и тротуаром, прямо под окном, в куче полусгнивших виноградных листьев, лежит брошенный и забытый велосипед.

Когда увижу покинутый велосипед, ровэр, по-полесски, вмиг спрошу себя: сможешь отремонтировать? В школу из Горска в Малечь я ездил на велосипеде, он регулярно ломался. На новый у отца не было денег. Из трех сломанных, найденных на свалках велосипедов я научился собирать один исправный. Иначе 10 километров в школу пришлось бы топать. С тех пор я равнодушен к ровэру.

Как только компьютеризованная старушка отпустила нас, я нырнул в пещеру к велосипеду. По спущенным колесам определил, что он лежит тут давно. Кое-где рама покрылась ржавчиной, отвалилась одна педаль. Механизм заднего колеса был исправен, тормоза действовали, руль блестел, звонок звенел. Я не понимал шведа, бросившего под окно мэрии двухколесного друга.

Расчетливые шведы относятся к велосипеду не столь трепетно, как я. Чуть забарахлил – выбрасывают. Свалки велосипедов чуть ли не в каждом дворе. Можно без труда найти штук сто, из них собрать пятьдесят-семьдесят и продать. Уверен, шведы купят старый, но исправный велосипед, ибо он дешевле нового. Бизнес надо строить с учетом шведского менталитета.

Если к восстановлению велосипедов добавить обновление разного старья (чайники, часы, чемоданы, сумки, бидоны, кружки), которое шведы любят выставлять в окна и витрины, – голодать в Швеции точно не будешь, белорус. Пусть не думают, что деловая жилка отсутствует в наших генах. Во-первых, если бы отсутствовала, то сегодня колхозники по-деловому не воровали бы в колхозах зерно, рабочие – болты и гайки на заводах, а начальники – страну. Во-вторых, имеются исторические факты.

В 1591 году группа минских умельцев решила создать цех ремесел “по примеру столичного г. Вильно”. Сочинили Устав, в нем среди прочего вписали: “Очень важно, чтобы то, о чем говорится в цехе, не выносилось за порог и не разглашалось. Этого единодушно требует цех. Если же кто-то осмелится это

требование нарушить и у него будет чесаться язык, то, когда это будет доказано, он должен будет уплатить в цех полкамня воска столько раз, сколько раз им допущено нарушение, без како-либо снисхождения.”

Подчиняясь завету предков-ремесленников, я прекращаю чесать языком и разглашать коммерческие тайны виртуальной компании по восстановлению велосипедов. Чтобы подтвердить наличие в генах белоруса предприимчивой жилки, отправляюсь на центральный вокзал Стокгольма, где валюту обменивают без комиссионного сбора.

В обменном пункте за окошком сидела молодая женщина, типичная шведка. Увидев меня, обрадовалась: хей! Ответив тем же, я просунул в окошко скромную денежку. Шведка вернула и сказала, чтобы шел к обменнику-автомату. К автомату отношусь с национальным подозрением: как бы чего не вышло? Видя мою нерешительность, девушка стала горячо хвалить автомат. Поскольку не все ее аргументы, изложенные по-английски, до меня дошли, она крупно написала на листочке две цифры. Курсы обмена. В автомате курс для меня выгоднее. Девушка хотела мне добра. Но я отказался.

Сел на деревянную вокзальную скамейку, чтобы отдохнуть, оглядеться и наметить дальнейшие действия. Народу на вокзале было мало. Большинство скамеек пустовало. Напротив сидела девочка-подросток в простенькой куртке и дешевых кедах, пластмассовой ложечкой ела йогурт одновременно из четырех баночек, спаянных в блок. Видимо, в баночках были разные сорта, девочка пробовала по очереди.

Вдруг моя скамейка скрипнула, пошатнулась. Рядом плюхнулся детина в зеленом камуфляже с головы до высоких шнурованных ботинок. “Что хотите, доллар или крону?” – спросил он по-английски. Ничего не ответив, я встал и ушел. Поглазел на елку в центре зала. Через минуту рядом стал пятнисто-зеленый мужик, тихо сообщил, что у него есть и кроны, и доллары. “Шведка из обменника навела на меня менялу? – предположил я. – А если их тут шайка? Уноси ноги, лопух белорусский!”

Я быстро пошел с вокзала. На улице два раза оглянулся. Погони не обнаружил.

В гостинице меня заждался ужин-сирота. Я, как дядька Антось, привез с собой и сало, и хлеб. Вез и свою водку, которая лучше шведской, потому что намного дешевле. Шведы это прекрасно знали, потому в аэропорту Арланда белорусскую водку из моей сумки украли.

Без рюмки, как выше сказано, в рай не заглянешь. Теперь вы понимаете, почему Швеция не показалась мне раем.

2002